

УДК 821.511:143

С.С. Динисламова

Трансформация жанра поэмы в творчестве Ювана Шесталова на примере «Языческой поэмы»

Аннотация. «Языческая поэма» Ювана Шесталова – это принципиально новый тип художественности, главная особенность художественной системы в ней – ее творческое переосмысление. Автор – человек с иным сознанием. Он «говорит» по-новому, по-современному, но ритуальные действия описывает ярко и колоритно. Ю. Шесталову на основе интенсивных созидательных поисков в области взаимодействия литературы и фольклора удалось трансформировать жанр поэмы, создать самобытное, индивидуально-неповторимое творчество, которое не перестает притягивать к себе и читателя и критика.

Ключевые слова: Юван Шесталов, поэма, «Языческая поэма», мансийская литература, манси, опыт предшественников, М.Плотников.

S.S. Dinislamova

Transformation of a genre of the poem in Yuvan Shestalov's works on the example of "The pagan poem" ("Yazycheskaya Poema")

Summary. Yuvan Shestalov's "The pagan poem" is essentially new type of artistry. The main feature of art system in it is its creative reconsideration. The author is the person with other consciousness. He "speaks" in a new way, in modern way, but ritual actions describes brightly and vividly. On the basis of intensive creative searches in the field of interaction of literature and folklore Yu. Shestalov could transform the genre of the poem, create original, individual and unique creativity which attracts both readers and critics.

Keywords: Yuvan Shestalov, poem, "The pagan poem", Mansi literature, Mansi, the experience of predecessors, M. Plotnikov

Поэма – лиро-эпическое произведение, где одинаковы доля эпического (то есть сюжетного, событийного) и лирического (то есть медитативного, размышляющего) рода. Каждая общественная и литературная эпоха придает поэме соответствующий стиль: эпоха романтическая, возвышающая лирическую личность, имеет свой экспрессивный стиль; исторические события усиливают эпический характер поэмы, выражая авторское желание воспроизвести как можно больше объективных фактов. В литературной критике отмечено, что поэты, начиная, как правило, с лирической поэмы, затем переходят к эпическим или лиро-эпическим. Таким путем шли А.С. Пушкин, Н.А. Некрасов, А.А. Блок, С.А. Есенин, В.В. Маяковский и др.

Мансийская литература – сравнительно молодая литература. В числе первых писателей-северян, мансийские авторы М. Вахру-

шева, П. Чейметов, М. Казанцев заложили основу родной литературы в 30-е годы XX века. Разработанные ими художественные традиции получили дальнейшее развитие в творчестве нового поколения писателей 50-80-х годов XX века: Андрея Тарханова и Ювана Шесталова. Отметим, что до Шесталова писатели-манси в своем творчестве не обращались к жанру поэмы. В мансийской литературе создателем жанра поэмы является русский автор М. Плотников. В 1933 году им создана поэма «Янгкыл маа», воедино вобравшая в себя былины, сказания, песни народа манси. Поэма М. Плотникова стоит в одном ряду с такими произведениями мировой литературы, как «Калевала» Элиаса Лённрот, «Песнь о Гайавате» Генри Лонгфелло. Известно, что М. Плотников был знаком с переводом «Песни о Гайавате», сделанным И. Буниным и следует творческим принци-

пам предшественника, например, использует повтор слов и пояснение мансийских слов прямо в тексте. По такому же принципу создана литературная обработка поэмы «Янгкыл маа» М. Плотникова другим автором – поэтом С. Клычковым – поэма «Мадур Ваза». «Песня о Гайавате» Лонгфелло, «Янгкыл маа» М. Плотникова, «Мадур Ваза» С. Клычкова – один и тот же тип старого эпоса, вся художественная система которого сформирована по законам традиционной поэтики. Это литературная контаминация уже готового материала, его литературная обработка. По содержанию – описание подвигов национальных героев-освободителей на Земле, в Верхнем и Нижнем мирах.

Юван Шесталов – создатель «Языческой поэмы», знаком с опытом предшественников и с фольклорным наследием своего народа. Устное слово сказителей и шаманов разбудило в нем оригинальность и самобытность образного мышления: «тайна национальности» в искусстве слова одухотворила его поэтику (манера повествования, метафорический строй, ритмика, композиционные построения и др.), а предшествующий литературный опыт помог определиться в собственных предпочтениях. «Существует правильное мнение (и Юван Шесталов его своим творчеством подтверждает), что большой художник на протяжении всей творческой жизни хотя и пишет разные произведения, но создает как бы единое, цельное полотно» [1, 6]. Действительно, творчество Шесталова представляет с собой стройную систему, оно объединено одним мироощущением, подчинено единому замыслу, единой композиции; «системность» творчества достигнута осознанием миссии – сохранить, выразить, ввести в мировую культуру дух родного народа и его исторический опыт.

Гармония целого достигнута поэтом и в «Языческой поэме», вобравшей в себя отдельные стихотворения, созданные в разные годы (1955-1971 гг.). Собранные воедино ранние произведения, тематически разделенные на 8 частей (поэт называет их песнями), единство содержания которых достигается движением мысли от одной песни к другой, обретают у Шесталова эпическую многомерность и панорамность в передаче народной жизни во всей ее значительности. В поэме органично сочетаются эпическое и лириче-

ское начало. Эпическое начало выражено в объективности изображения народного самосознания, в художественно осмысленной связи между прошлым и современностью; лирическое – в отношении поэта к объекту изображения, во вдохновенно переработанном и органично переработанном фольклорном материале. Таким образом, Юван Шесталов создает принципиально новый тип современного национального эпоса, он отталкивается от традиции предшественников, а не продолжает их. Его обращение к прошлому вызвано стремлением осмыслить связь времен. Он считает, что пропетые им «сны и песни» не только «вглубь веков укажут путь», но и помогут заглянуть в будущее. В этом состоит отличие «Языческой поэмы» от поэмы «Янгкыл маа», «Мадур Ваза» и «Песни о Гайавате». У поэта-манси древняя мифологическая система выполняет подчиненные функции, определяющую роль играет литературная система советского времени. Идея поэмы и ее общая настроенность, как и эпических произведений прошлого, заключается в стремлении пробудить самосознание, патриотический дух родного народа, вселить в него веру в лучшее, более справедливое будущее. Конечно же, не все стихотворения поэмы соответствуют канонам соцреализма. Например, «думами» медвежьей головы, на основе смелых интерпретаций, Шесталов приглашает читателя заглянуть в глубинные пласты культурных традиций народа манси. Масштаб этого раздела удивляет всплеском фантазий поэта.

Итак, обратимся к поэме. Как уже отмечалось, «Языческая поэма» состоит из восьми песен. В первой песне содержатся одновременно элементы «хум эрыг» (мужской песни-автобиографии) и «тэрнинг эрыг» (героической песни). Ю. Шесталов представляет поэтическую автобиографию лирического героя. Она начинается с детства. Солнечное утро нового дня стало его песней «пробуждения». Символом пробуждения является «большое имя Ленин» [2, 73] – воплощение надежд родного народа. Большинство стихотворений посвящено матери.

Вторая песня поэмы – это художественная реконструкция целого комплекса театральных действий, преданий, связанных с «медвежьим праздником». Поэт, перевоплощаясь в охотника, мастерски передает его миро-

ощущения. Но вот он перевоплощается в «медвежью голову» и ведет монолог от имени «головы», восседающей на столе. Часто выходит на обобщения: «Я не пойму людей, / Мне их поступки странны: / Зачем душе моей / Они наносят раны?» [2, 110], и тогда монолог идет и от имени медвежьей головы, и от себя или о себе. Думы «головы» раскрывают внутреннее переживание поэта. В последнем монологе слились воедино и упрек людям, и трагедия чувств, и смирение: «<...> Ночь — к рассвету. Я не сплю, / Думу думаю свою... / Обескровлен я, бессилён, / Но глаза мои глядят: / <...> Я сижу, молчу как рыба, / Никого я не корю, / Людям, в мыслях, «пумасипа!» / Я сегодня говорю, / Людям, что в последнем сне / Не мешают думать мне» [2, 128].

Третья песня поэмы – песня любви. Для влюбленного манси мир русской культуры давно стал своим, возлюбленная – русская девушка. Без нее он «как олень без моха», его сердце бьется, как вытасченный из воды язь, трепещет осиновым листком. Вместе они – «рыжие лисенята на синем лугу небес». Традиционный жанр песни любви, сказка и современность в стихотворениях легко сочетаются: «Ах, Миснэ, Миснэ! / Если долгим взглядом / Пронизывать лесные терема, / В конце концов покажется, что рядом / Она бежит за поездом сама» [2, 140].

В третьей песне сказка и современность также легко и естественно сочетаются. В песнях есть элементы традиционной любовной песни, они реалистичны и конкретны в деталях, личностны, обращены «вглубь» души.

Четвертая песня, построенная в жанре традиционной песни-плача (плачет идол), переплетается с героической песней создателя новой жизни. Бульдозерист разрушает капище. «Ледяная земля проснулась от вековой спячки». Мысли и чувства героя сформированы советской действительностью, но он «способен» еще слышать плач идола: «Я идол! / Я умираю. / Но опасность моего рождения / Таится в вас самих» [2, 165].

Идол – символ языческой веры народа; идолопоклонники – те, для кого жива еще вера; Куль – дух нижнего мира, несущий людям неприятности и болезни, страх и сомнения; Виткась – животное, обитавшее в воде во «времена» мамонтов также несет боязнь и страх. Идол может «быть рядом с Небом и чертом». Возвеличиванием своих «возмож-

ностей» он призывает людей к смирению.

На основе иносказательности Ю. Шесталов наделяет особой значимостью мифический образ и сам миф. Он находит смелые художественные решения, что говорит о его основательных связях с прошлым.

В пятой песне поэмы Ю. Шесталов поэтизирует труд покорителей природы Севера. Считаем, что пафос был свойственен времени. В советской поэзии произведения И. Заболоцкого, А. Твардовского, Р. Гамзатова, Э. Межелайтиса поддерживали в людях гражданскую активность. Поэта-манси радуют большие, преобразовательные перемены на родине.

В пятой песне поэмы стихотворение «Песня последнего лебедя» начинается прозаическими строками: «Весной на лесной озеро прилетал один лебедь. В небе веселились другие птицы – самолеты. И уток стало мало! Раньше охотники любовались лебедями. А этот лебедь плакал. Его плач и записал я...» [2, 170]. Поэт слышит страдание природы, чувствует приближение экологических катастроф. Гул самолета оглушает лебедя. Призыв поэта к людям: «Берегите белые мои озера, / Ибо / Почернеет небо без белых лебедей, / Почернеют ночи без белых лебедей...» [2, 172].

В прошлое обращена и шестая песня «Языческой поэмы». Она представляет синтез двух песен: Юлиана – венгерского монаха-странника и Ювана – современного певца счастливой жизни родного народа. Автор хорошо знает историю народа, он охватывает промежуток времени в тысячу лет и осмысливает историю своего народа, раскрывает читателю увлекательные картины былых веков – хозяйственный уклад, жизнь древних людей в неприступных крепостях. Шестая песня содержит в себе элементы героического сказания и героической песни.

В седьмой песне герой берет в руки древний громкоговорящий бубен из гладкой оленьей кожи, ударяет колотушкой – черной лапой гагары и поет песню, которая должна разбудить все человечество. Поэта волнует не только судьба родного народа, России, он полон тревожных раздумий о судьбе всего мира. «В груди моей болит Вьетнама рана. / Ужель ты можешь к боли притерпеться, / Мансийское мое лесное сердце?!» [2, 205]. Своим словом поэт пытается повлиять на

агрессоров. Его песня звучит шаманским заклинанием: «Дважды в бубен громкопоющий / Бью я заветною колотушкой. / Убийц родившие Громады-города! / Ужели ваши каменные лица / Еще не покраснели от стыда? Ужель и вы такие же убийцы?! / Кара-юйя!» [2, 207], или «Я – певец глухариных урманов, / Я – шаман зацветающей тундры, / Сын Луны и племянник Солнца, / Заклинатель неправды и злобы, / Юван с Сосьвы – Реки Горностаев...» [2, 200].

В заключительной восьмой песне герой – наш современник. В прошлом его интересует происхождение древнего народа. По его версии, ханты и манси – прямые наследники хунгарской культуры сыпыров, от имени которых и произошло название «Сибирь». «Сыпыры – а названы Югры – / По свету тебя понесли. / Сыпыры – хунгарской культуры. / Сыпыры – с остяцкой земли» [2, 227].

Поэт пытается «расщепить, разделить на лету / на тяжелые вещества» слова «Сибирь» для того, чтобы узнать тайну своего народа [2, 225]. В этом стремлении также проявляется его сыновняя любовь к родине.

Обращение к прошлому Ю. Шесталову необходимо для созидания: «О, янтарная капля веков, я подожду тебя вдохновением, и ты осветишь мои стихи» [2, 226]. Так поэт раскрывает свой творческий поиск. А строки «Гаежной думы» навеяны религиозно-философскими размышлениями: «Земля моя кружится – и я кружусь. / Солнце повернется – и я повернусь. / Лижут планету и тень, и свет, / Кружатся заботы, как хмель в

голове. / По поднебесью гагарой лечу. / Толщу воды осетром строчу. / Смело шагаю с каменных стен / В космос за тайной мансийских легенд. / Верхнее небо – космический дым. / Жив ли ты, бог наш – Нуми-Торум? / Нижнее небо – подземная тьма. / Куль там коварный не спятил с ума?» [2, 215].

В. Огрызко справедливо отметил: «... не здесь ли надо искать истоки некоего космического сознания, которое мансийский поэт начнет яростно проповедовать уже в 1990-е годы» [3, 309]. Действительно, с таких размышлений и начинались новые устремления поэта, обращенные теме космического сознания.

В целом, подчеркивая значение «Языческой поэмы», отметим, что это принципиально новый тип художественности. Автор – человек с иным сознанием, он «говорит» по-новому, по-современному, но ритуальные действия описывает ярко и колоритно. Учитывая, что сам ритуал является жестовой формой мифа, в «Языческой поэме» очевидна связь с мифологией. В целом в поэме не утеряно древнее звучание. В каждом стихотворении звучит «седая история», с помощью которой Ю. Шесталов основательно и самобытно познает бытие. Мы видим, что писателю-манси на основе интенсивных созидательных поисков в области взаимодействия литературы и фольклора удалось трансформировать жанр поэмы, создать самобытное, индивидуально-неповторимое творчество, которое не перестает притягивать к себе и читателя и критика.

Литература

1. Солоухин В.А. Юван Шесталов – поэт манси // Шесталов Ю.Н. Языческая поэма. М., 1971. С. 6.
2. Шесталов Ю.Н. Собрание сочинений. СПб. Ханты-Мансийск: Фонд космического Сознания, 1997. Т. 1. 480 с.
3. Огрызко В.В. После потрясений // Мансийская литература / Сост. Огрызко В.В.М.: Литературная Россия, 2003. С. 205-214.

References

1. Soloukhin V.A. Yuvan Shestalov – poet mansi // Shestalov Yu.N. Yazycheskaya poema. M., 1971. S. 6.
2. Shestalov Yu.N. Sbranie sochineniy. SPb. Khanty-Mansiysk: Fond kosmicheskogo Soznaniya, 1997. T. 1. 480 s.
3. Ogryzko V.V. Posle potryaseniya // Mansiyskaya literatura / Sost. Ogryzko V.V.M.: Literaturnaya Rossiya, 2003. S. 205-214.